

Григорій (Борисоглебскій), иером. Возрождение, по учению препод. Макария Египетского: [Пробная лекція] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 11. С. 205–224 (2-я пагин.).

Возрожденіе, по ученію Препод. Макарія Египетскаго *).

Святоотеческая письменность, какъ главнѣйшій, послѣ Слова Божія, источникъ для Нравственнаго Богословія.—Препод. Макарій Египетскій, какъ нравоучитель.—Человѣкъ въ невинномъ состояніи, какъ носитель Божественной жизни.—Паденіе человѣка, какъ потеря¹¹⁹ ея.—Жизнь падшаго человѣчества, какъ смятеніе.—Искушеніе, какъ возвращеніе потерянной жизни.—Ходъ нравственнаго возрожденія.—Первая ступень возрожденія: желаніе спасенія.—Вторая ступень: борьба жизни духовной съ плотской.—Третья ступень: пріятіе благодати общенія съ Богомъ.—Четвертая ступень: жизнь во Христѣ.—Отличительный характеръ нравоучительной аскетической письменности.

Въ послѣднее время наша русская богословская наука подвергается нареканіямъ за то, что она не отличается самостоятельностью, но питается лишь только тѣмъ, что изготовляется Западомъ. Въ этихъ нареканіяхъ, разумѣется, есть и доля правды; но несомнѣнно также, что они нуждаются и въ ограниченіи. Не касаясь другихъ наукъ, смѣло можно сказать о Нравственномъ Богословіи, что оно отнюдь не должно подлежать такому упреку. Отечественныхъ трудовъ по Нравственному Богословію, за вычетомъ немногихъ школьныхъ учебниковъ, слишкомъ мало, чтобы ими можно было доказать эту истину; но она безъ труда доказывается самымъ содержаніемъ науки. Путешественникъ, пускающійся въ опасный путь по невѣдомой странѣ, если желаетъ воспользоваться добрыми указаніями другихъ, то, разумѣется,

*) Вступительная лекція, прочитанная въ Московской Духовной Академіи 24-го апрѣля 1892-го года и. д. доцента по кафедрѣ Нравственнаго Богословія, Иеромонахомъ Григоріемъ.

обратится къ тому, кто самъ путешествовалъ по этой странѣ, знаетъ ее по личному наблюденію и знакомъ съ трудностями ея путей по собственному опыту. Поэты обыкновенно воспитываются на поэтахъ. Художники всегда заканчиваютъ свое образованіе въ музеяхъ. Послѣ этого должно ли Нравственное Богословіе, имѣющее своей задачей научное начертаніе христіанскаго нравственнаго идеала и описаніе того пути и тѣхъ условій, которымъ и при которыхъ совершается его проведеніе въ жизнь, должно ли—повторяемъ—Нравственное Богословіе послѣ Новаго Завѣта идти за своимъ матеріаломъ къ новымъ западнымъ богословамъ? Христіанство не есть отвлеченная религіозная или философская доктрина, которая даетъ пищу только одному уму; оно есть прежде всего и главнѣе всего жизнь; только вѣровать умомъ и даже трепетать отъ этой вѣры — еще не значить быть христіаниномъ; быть христіаниномъ значить созидать свое спасеніе христіанскою жизнью. Эта то жизнь въ ея представленіи и постепенномъ усвоеніи ею нравственнаго идеала и есть предметъ, подлежащій изслѣдованію Нравственнаго Богословія. Послѣ слова Божія, которое устанавливаетъ для науки ея основные и общіе принципы, главнымъ источникомъ для нея, разумѣется, должна служить область опытной нравственности. Отсюда становится вполне понятнымъ: какая богатая сокровищница глубочайшей христіанской психологіи и морали заключается въ писаніяхъ тѣхъ святыхъ мужей древности, которые умѣли и сами жить по христіански, и другихъ учить этой великой наукѣ своимъ словомъ. Святоотеческая письменность вообще, а аскетическая въ особенности—вотъ источникъ для науки о нравственности. Святые подвижники, путемъ изученія Слова Божія и борьбы съ ветхимъ человѣкомъ достигшіе высокаго нравственнаго совершенства, въ своихъ писаніяхъ вынесли на общую пользу глубокой и многосодержательный опытъ нравственной жизни, подробно описавъ весь ея ходъ. Такого опыта уже больше нигдѣ не найти. Ни въ какое сравненіе съ нимъ не можетъ быть поставленъ опытъ новыхъ западныхъ богослововъ. Къ ихъ опыту въ крупномъ большинствѣ вполне приложимы слова преп. Макарія: „кто ведетъ рѣчь о духовномъ, не вкусивъ того самъ, тотъ уподобляется человѣку, который при наступленіи дневнаго зноя

идеть пустымъ полемъ и, томясь жаждой, описываетъ источникъ, струящійся водою, изображая себя піющимъ, между тѣмъ у него засохли уста и языкъ отъ палящей ихъ жажды, — или человѣку, который говоритъ о медѣ, что онъ сладокъ, но не вкушалъ его самъ и не знаетъ силы еѳо сладости. Такъ, если ведутъ рѣчь о совершенствѣ, о радованіи или о безстрастїи, не ощущавшіе въ себѣ ихъ дѣйственности и удостовѣренія въ нихъ, то на дѣлѣ не все бываетъ такъ, какъ они говорятъ“ (Бес. XVII, § 12). Конечно, для исторїи науки о нравственности, для изложенія и разбора различныхъ этическихъ философскихъ системъ, для научной систематизаціи самаго святоотеческаго матеріала, для еѳо философскаго освѣщенія и подобнаго много полезнаго можетъ дать и западная наука; но центральная и положительная часть Нравственнаго Богословія всецѣло должна основываться на святоотеческой письменности. Къ сожалѣнію, эта истина, хотя и сознается нашими моралистами, но не особенно усердно прилагается ими къ дѣлу. Между тѣмъ, какой богатый матеріалъ въ этой сокровищницѣ! Предлагаемый опытъ и будетъ возможной иллюстраціей къ этой мысли. Еѳо задача въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ ученіемъ Преп. Макарія Египетскаго о нравственномъ возрожденїи.

У Преподобнаго Макарія есть изреченіе: „случается, что человѣкъ простой, духовно возродившись, становится мудрымъ, и ему открываются сокровенныя тайны (Бес. XXVI, § 5). Наилучшимъ примѣромъ подобнаго перерожденія служить самъ преподобный Макарій. Сынъ бѣднаго отца, онъ въ юности былъ пастухомъ еѳо стада. Не извѣстно, чтобы онъ получилъ систематическое школьное образованіе. Въ то время, когда жилъ Преп. Макарій (родился въ 300 году; умеръ въ 390-мъ), въ Египтѣ, подъ вліяніемъ примѣра Преп. Антонія Великаго, развилось сильное стремленіе къ подвижнической жизни. Этотъ добрый духъ времени расположилъ юношу оставить мїръ съ еѳо праздною суетой и отдаться единому на потребу. Въ тиши уединенной пустыни преподобный подвизался 60 лѣтъ, стоя во главѣ братїи. При постоянныхъ посѣщенїяхъ отшельниками и мїрянами, онъ велъ съ ними духовныя бесѣды, дѣлясь своимъ внутреннимъ духовнымъ опытомъ. Нѣсколько,

несомнѣнно, наилучшихъ его бесѣдъ сохранились въ записи до нашего времени. Эти его бесѣды, посланія и слова и составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для выясненія нравственнаго ученія древнихъ подвижниковъ. Нравственныя наставленія Макарія отнюдь не могутъ считаться спеціально монастырскими. Всегдашній пустынный, Макарій говорилъ въ нихъ о христіанской жизни вообще. У него нѣтъ частныхъ правилъ о келейной жизни иноковъ, нѣтъ подробныхъ предписаній о томъ, гдѣ и какъ должно себя вести иноку, чѣмъ характеризуются, напр., писаніе аввы Дорофея. Макарій обращалъ свои бесѣды къ тѣмъ, которые нуждались въ уясненіи общихъ нравственныхъ понятій христіанства. Онъ наставляетъ своихъ слушателей: какова послѣдняя цѣль нравственной жизни, какъ идетъ самое обращеніе падшей души къ Богу, чѣмъ оно начинается, какъ продолжается и къ чему приводитъ. Его ученіе — нравственная философія и психологія. При изложеніи нравственнаго ученія Преподобнаго о ходѣ возрожденія, мы будемъ по возможности больше говорить буквальными выдержками *).

Возрожденіе, какъ показываетъ самое слово, предполагаетъ первую жизнь, смерть и новую жизнь; отсюда три части ученія о возрожденіи: невинное состояніе человѣка, его паденіе и, наконецъ, возрожденіе въ христіанствѣ. — Пока человѣкъ былъ невиненъ, тогда онъ жилъ настоящею жизнью, къ какой онъ и былъ предназначенъ. Назначеніе человѣка, его послѣдняя цѣль и верховное благо должно быть полагаемо въ томъ, чѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ тварей. Оно — въ общеніи человѣческой души съ

*) При изученіи твореній Преподобнаго Макарія Египетскаго у насъ подъ руками были слѣдующія ихъ изданія: 1) Въ Патрологіи *Migne'*я, въ греч. серіи, томъ XXXIV (Paris. 1860) coll. 401—968; 2) *Преп. отца нашего Макарія Египетскаго* Духовныя бесѣды, посланіе и слова, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о жизни его и писаніяхъ. Переводъ съ греч. при Моск. Дух. Академіи. Изд. 3. Москва 1880; 3) въ русскомъ Добротолубіи, въ 1 томѣ (Москва. 1883). Наставленія *св. Макарія Великаго* о христіанской жизни, стрр. 159—283. — Попытки систематическаго изложенія нравственнаго ученія Преп. Макарія можно находить: 1) у *Преоув. Филарета* въ Историческомъ ученіи объ Отцахъ Церкви, т. 2 (СПб. 1859), § 163, стрр. 237—241 и 2) въ Жизни Пр. Макарія Египетскаго, приложенной къ помянутому русскому переводу его твореній, стрр. IX—XVII.

Богомъ. „Богъ сотворилъ разныя твари; сотворилъ небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносныя, всякіе роды животныхъ. Но ни въ одной изъ сихъ тварей не почитаетъ Господь. Всякая тварь во власти Его; однакоже не утвердилъ Онъ въ нихъ престола, не установилъ съ ними общенія; благоволилъ же объ единомъ челоуѣкѣ, съ нимъ вступивъ въ общеніе и въ немъ почивая“ (Бес. XLV, § 5). „Посему душа смысленная и благоразумная, обошедши всѣ созданія, нигдѣ не находитъ себѣ упокоенія, какъ только въ единомъ Господѣ“ (Тамъ же). „Какъ богатая дѣвица, створенная замужъ, какіе бы ни получала подарки до брака, не успокоивается тѣмъ, пока не совершится брачный союзъ; такъ и душа ничемъ не успокоивается, пока не достигнетъ совершеннаго общенія съ Господомъ“ (Тамъ же, § 7). Сообразно такому назначенію душа первоузданнаго челоуѣка надѣлена была отъ Творца всѣми добродѣтелями. „При созданіи ея, такую сотворилъ ее Богъ, что въ естество ея не было вложено порока, напротивъ того, сотворилъ ее по образу добродѣтели Духа, вложилъ въ нее законы добродѣтелей (*νόμος ἀρετῶν*), разсудительность (*δίακρισις*), вѣдѣніе (*γνώσις*), благоразуміе (*φρόνησις*), вѣру и прочія добродѣтели по образу Духа“ (Бес. XLVI, § 5). Однимъ словомъ, создалъ ее такую, чтобъ содѣлаться ей невѣстой и сообщницей Его, чтобъ и Ему быть въ единеніи съ нею и ей быть съ Нимъ во единый духъ (Бес. XLVI, § 6). И невинная жизнь прародителей до ихъ грѣхопаденія была идеально-челоуѣческою жизнью: они пребывали въ раю постоянно съ Богомъ (Бес. XII, § 8). „Въ Адамѣ пребывало Слово (*ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ*) и онъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія“ (Тамъ же, § 6). Умъ первоначально чистый, пребывая въ чинѣ своемъ, созерцалъ Владыку своего; и Адамъ, пребывая въ чистотѣ, царствовалъ надъ своими мыслями и блаженствовалъ, покрываемый божественною славою“ (Бес. XLV, § 1; XV, § 23; XII, § 6). „Само пребывавшее въ немъ Слово было для него всѣмъ: и вѣдѣніемъ, и ощущеніемъ (блаженства), и наслѣдіемъ, и ученіемъ“ (Бес. XII, § 7). Челоуѣкъ умѣлъ различать страсти, чуждъ былъ демонамъ, чистъ отъ грѣха или отъ пороковъ—Божимъ былъ подобіемъ“ (Бес. XXVI, § 1).—Здѣсь особенно замѣчательно отличіе ученія преп. Макарія отъ обыч-

наго, школьнаго, въ какомъ отличіи — его великое преимущество. Препод. Макарій, напр., назначеніе человѣка и его жизнь до паденія не характеризуетъ какимъ либо высшимъ, юридически-праведнымъ отношеніемъ человѣка къ Богу, но прямо внутреннимъ усвоеніемъ имъ содержанія Божественной жизни.

Но это невинное состояніе продлилось не долго. Хотя продлить его навсегда и было въ человѣческой власти, однако отъ человѣка случилось то, что оно было имъ потеряно. „Видимыя твари связаны какимъ-то неподвижнымъ естествомъ; не могутъ онѣ выйдти изъ того состоянія, въ которомъ созданы, и не имѣютъ воли. А человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію. Какъ Богъ свободенъ и творить, что хочетъ, такъ свободенъ и человѣкъ“ (Бес. XV, §§ 20, 21). Природа наша удобопріемлема и для добра и для зла, и для Божіей благодати и для противоположной силы. Она не можетъ быть приневоливаема“ (Тамъ же, § 23). „Такъ и Адамъ по собственной своей волѣ преступилъ заповѣдь и послушалъ лукаваго“ (Бес. XII § 8) „и погибъ для Бога (Тамъ же, § 1). Черезъ грѣхъ человѣкъ отдалъ себя во власть діавола (Бес. I, § 7). Насколько прежде благолѣпна была человѣческая душа отъ союза съ Богомъ, настолько она стала нечистою отъ новаго союза съ діаволомъ. „Въ нее вошло лукавство темныхъ страстей“ (Тамъ же). И какъ вошло? Оно объяло всю душу. „Лукавый князь такъ обложилъ и облекъ душу властію тьмы, какъ облакаютъ человѣка, чтобы содѣлать его царемъ и дать ему всѣ царскія одѣянія и чтобы отъ головы до ногтей носилъ онъ на себѣ все царское. Такъ лукавый князь облекъ душу грѣхомъ, все естество ея и всю ее осквернилъ, всю плѣнилъ въ царство свое, не оставилъ въ ней свободнымъ отъ своей власти ни одного члена ея, ни помысловъ (*λογισμοὺς*), ни ума, ни тѣла, но облекъ ее въ порфиру тьмы“ (Бес. II, § 1). „Того и домогался врагъ, чтобы Адамовымъ преступленіемъ уязвить и омрачить внутренняго человѣка, владычественный умъ, зрящій Бога. И очи его, когда недоступны имъ стали небесныя блага, прорѣзли уже для порковъ и страстей“ (Бес. XX, § 4). Демоны, удаливъ „человѣка отъ небеснаго образа мыслей, низвели его къ дѣламъ лукавымъ, вещественнымъ, земнымъ, браннымъ, къ

словамъ, помышленіямъ и разсужденіямъ суетнымъ“ (Бес. XLVII, § 6). Препод. Макарій и здѣсь опять не полагаетъ ни самаго паденія, ни его слѣдствій въ чисто внѣшнемъ формальномъ прекращеніи союза человѣка съ Богомъ, въ смыслѣ юридическаго акта проклятія Богомъ человѣка. Нѣтъ; паденіе и его слѣдствія въ томъ, что человѣкъ лишился содержанія божественной жизни, которою жилъ раньше, утратилъ доступныя ограниченному существу Божескія совершенства. Предъ нимъ открылась другая жизнь: жизнь плоти и сатаны. И онъ потерялъ ощущеніе сладости Богообщенія, блаженства небесной жизни. Удалившись отъ неба, онъ пошелъ къ землѣ.

Изложивъ, ученіе преп. Макарія о невинномъ состояніи перваго человѣка и его грѣхопаденіи, теперь перейдемъ къ раскрытію его взгляда на сущность жизни человѣчества, послѣ грѣхопаденія. Послѣ того, какъ человѣкъ сознательно и свободно удалился отъ Божественныхъ законовъ, жизнь человѣчества пошла по тому новому, плотскому, направленію, которое было избрано согрѣшившими. „Со времени Адамова преступленія, душевные помыслы (*oi λογισμοὶ τῆς ψυχῆς*), отторгшись отъ любви Божіей, разсѣялись въ всѣхъ семь и смѣшались съ помыслами вещественными и земными. Но какъ преступившій заповѣдь Адамъ принялъ въ себя закваску зловредныхъ страстей, какъ и родившіеся отъ него и весь родъ Адамовъ, по преемству, стали причастниками онѣй закваски; а при постепенномъ пресѣянніи и возрастаніи до того уже умножились въ людяхъ грѣховныя страсти, что простерлись до прелюбодѣянія, непотребствъ, идолослуженій, убійствъ и другихъ недѣльныхъ дѣлъ, пока все человѣчество не вскисло пороками“ (Бес. XXIV, § 2). „Всѣ мы—пишетъ въ другомъ мѣстѣ преподобный—сыны этого омраченнаго рода, всѣ причастны того же зловонія. Какою немощью пострадалъ Адамъ, тою же пострадали и всѣ мы, происходящіе отъ Адамова сѣмени“ (Бес. XXX, § 6). Посему жизнь падшаго человѣчества, жизнь безъ Бога, безъ идеала—есть просто одно какое то суетное смятеніе. „Какъ одна ночная тьма распространяется надъ цѣлою вселенною, такъ князь лукавства, будучи нѣкоею мысленною тьмою грѣха и сморти, какимъ-то сокровеннымъ и жестокимъ вѣтромъ обуреваетъ и кружитъ весь на землѣ чело-

вѣческій родъ, непостоянными помыслами и мірскими пожеланіями уловляя человѣческія сердца, тьмою невѣдѣнія, ослѣпленія и забвенія наполняетъ всякую душу, нерожденную свыше, и мыслию и умомъ не преселившуюся въ иной вѣкъ, по сказанному: *намѣ же житіе на небесахъ есть* (Фил. III, 20)“ (Бес. V, § 3). Однако человѣческая душа не утѣряла окончательно сѣмянъ жизни святой, жизни по Богу; отчего плотскою жизнью не удовлетворяется, но мятется въ тоскѣ по небесной отчизнѣ. „Видимый міръ, отъ царей и до нищихъ, весь въ смятеніи, въ нестроеніи, въ борьбѣ, и никто изъ нихъ не знаетъ тому причины, т. е. этого явнаго зла, привзошедшаго вслѣдствіе Адамова преступленія; грѣхъ тайно дѣйствуетъ на внутренняго человѣка и на умъ и борется съ нимъ помыслами; люди же не знаютъ, что дѣлаютъ сіе побуждаемые чуждою нѣкою силою; напротивъ того, думаютъ, что это естественно, и что дѣлаютъ сіе по собственному своему разсужденію. Но въ самомъ умѣ имѣющіе миръ Христовъ и озареніе Христово знаютъ, откуда воздвигается все это (Бес. XV, § 47).

Но изъ этого состоянія смятенія, тоски о потерянной истинной жизни, жажды настоящаго порядка вещей есть выходъ. Онъ обусловливается, во 1-хъ, свободою, оставшеюся у человѣка и, во 2-хъ, пришествіемъ Спасителя на землю; поэтому-то человѣчество, хотя и отдалось въ плѣнъ діаволу, однако приобрѣло возможность сознательно освободиться отъ него. „Мы не говоримъ, учить Преп. Макарій, что человѣкъ всецѣло утратился, уничтожился, умеръ: онъ умеръ для Бога, живетъ же собственнымъ естествомъ“ (Бес. XII, § 2). „Осталась въ человѣкѣ свобода, какую Богъ далъ ему въ началѣ“ (Бес. XV, § 38) и которая „можетъ противиться діаволу“ (Бес. XXV, § 1). Такъ какъ грѣхопаденіе состояло въ утратѣ Божественной, небесной жизни, то искупленіе должно было состоять въ томъ, чтобы возвратить ее человѣку, принести въ міръ эту потерянную жизнь, обновить райскіе идеалы. У міра не было этой жизни; посему ее съ неба долженъ былъ принести самъ Богъ. „Міръ уподобляется человѣку богатому, который владѣетъ великолѣпными и огромными домами, изобилуетъ серебромъ и золотомъ, различными стяжаніями и всякою прислугою, но внезапно объятъ болѣзнями и немо-

щами; все родство стоитъ предъ нимъ, и при всемъ богатствѣ не можетъ избавить его отъ болѣзни. Такъ, никакая житейская рачительность, ни богатство, ни другое что душу, погруженную въ грѣхъ, не изъемлетъ отъ грѣха; и одно только пришествіе Христово можетъ очистить душу и тѣло“ (Бес. XLV, § 3). И вотъ наконецъ, воплотившійся Спаситель „лукавыхъ духовъ, возсѣдающихъ въ тѣлѣ, низложилъ съ престоловъ, т. е. съ понятій и помысловъ, которыми они правили, и очистилъ совѣсть, и престоломъ Себѣ Самому содѣлалъ умъ, и помыслы, и тѣло“ (Бес. VI, § 5). „Господь нашъ Іисусъ Христосъ—говорить въ другомъ мѣстѣ Преподобный—для того и пришелъ, чтобы измѣнить, преобразить и обновить естество, и эту душу, вслѣдствіе преступленія низложенную страстями, создать вновь, растворивъ ее Божественнымъ Духомъ. Онъ пришелъ вѣрующихъ въ Него содѣлать новымъ умомъ, новою душею, новыми очами, новымъ слухомъ, новымъ языкомъ духовнымъ, однимъ словомъ —новыми людьми“ (Бес. XLIV, § 1). Господь, основавшій сіе новое царство истины и добра, желаетъ, чтобы всѣ люди дѣлались его сынами (Бес. XXX, § 3); Онъ радуется о притекающихъ сюда (тамъ-же) и скорбитъ объ уклоняющихся отъ него (Бес. XXXII, § 11). Однако Онъ не дѣлаетъ принужденій человѣческой волѣ (Бес. XV, § 28; ср. § 29, Бес. XXX, § 9): и здѣсь та же свобода, что и при паденіи перваго человѣка. — Достоинно особеннаго вниманія ученіе Преп. Макарія о значеніи искупленія. Онъ не смотритъ на это Божественное дѣло любви Господней, какъ только на юридически-формальный актъ снятія проклятія съ человѣка, удовлетворенія прогнѣванной правдѣ Божіей, заглаженія грѣховъ человѣчества и подобнаго. Нѣтъ. Сущность искупленія, по нему, въ томъ, что Господь принесъ на землю новую жизнь съ новыми стремленіями, съ новымъ духомъ, указалъ новую цѣль бытія и новый смыслъ жизни; обновилъ человѣческую природу, поправъ жизнь плоти и сатаны.

Такъ описываетъ Преп. Макарій собственно жизнь человѣчества: сначала оно жило подъ властію діавола, а потомъ устремилось ко Христу. Также точно проходитъ и жизнь cadaго отдѣльнаго человѣка. Изъ борьбы противъ плотской жизни и изъ стремленія и усвоенія жизни Хри-

стовой и слагается жизнь человѣка—христианина. Земная наша жизнь есть не что иное, какъ изникновеніе изъ плотской жизни и пріятіе небесной. Она есть то же возрожденіе, котораго ждалъ и дождался міръ. Въ этомъ возрожденіи каждаго отдѣльнаго человѣка Преп. Макарій усматриваетъ нѣсколько ступеней. Первая ступень: самое начало возрожденія, т. е. желаніе спасенія, желаніе новой Христовой жизни. Вторая ступень: борьба Христовой жизни съ плотскою, Божескихъ идеаловъ и мотивовъ съ земными, сатанинскими. Третья ступень: достиженіе благодати чрезъ общеніе съ Богомъ. Дальше же слѣдуетъ наслажденіе плодами возрожденія: заключительная ступень его.

Возрожденіе человѣка открывается тѣмъ, что въ душѣ появляется желаніе оставить грѣховную жизнь по плотскому человѣку и начать жизнь во Христѣ. Это желаніе есть дѣло свободной воли. Въ нашемъ спасеніи „посему воля есть какъ бы существенное условіе. Если нѣтъ воли, Самъ Богъ ничего не дѣлаетъ, хотя и можетъ по своей свободѣ“ (Бес. XXXVII, § 10). „Какъ евангельскій слѣпецъ, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Преподобный, — если-бы и возопилъ, и кровоточивая жена, если-бы не пришла ко Господу, не получила исцѣленія, такъ, если кто не приступитъ къ Господу по собственной волѣ и отъ всего произволенія и не будетъ умолять Его съ несомнѣнностью вѣры, то не получитъ онъ исцѣленія“ (Бес. XX, § 8). Причины возникновенія сего желанія бываютъ различны; ихъ дѣйствія—иногда даже трудно уловимы. Иного обращаютъ къ Богу несчастія: „если срѣтаютъ тебя несчастія, то начинаешь разсуждать самъ съ собою: несчастливъ я въ мірѣ, пойду отречусь отъ міра, буду служить Богу“ (Бес. XXXII, § 7), т. е., говоря вообще, ощущеніе духовной пустоты плотской жизни влечетъ за собою желаніе новой. Другимъ, когда они, совершенно не думая о Богѣ, мнутъ въ водоротѣ плотской суеты, вдругъ послышится откуда-то неожиданный голосъ объ иной жизни, о мирѣ, о добрѣ такъ точно, какъ слышался такой голосъ св. Ап. Павлу. (Бес. XLVIII, § 8). Большинство же обращается къ Богу подъ дѣйствіемъ глаголовъ Господнихъ въ Словѣ Божіемъ (тамъ-же § 30). Возникновеніе этого желанія сопровождается борьбою; съ одной стороны новая Христова жизнь влечетъ

къ себѣ, побуждаетъ человѣка сильнѣе привязаться къ ней; съ другой—плотская жизнь, сатана отвлекаетъ отъ Христа; Вотъ, напр., какія побужденія слышатся душѣ, желающей обратиться къ Христу. Душа слишкомъ высокая умная сущность, чтобы она могла удовлетворяться жизнью по плотскому человѣку (Бес. XXVI, § 1). Напротивъ, она по своей природѣ жаждетъ общенія съ Богомъ. „Возведешь ли очи къ солнцу, найдешь, что кругъ волнечный на небѣ, свѣтъ же и лучи его нисходятъ на землю, и вся сила свѣта и блистательность его стремится къ землѣ. Такъ и Господь съидитъ одесуду Отца, превыше всякаго начала и власти, но око Его на сердца людей, пребывающихъ на землѣ съ тѣмъ, чтобы ожидающихъ отъ Него помощи, вознести туда, гдѣ Самъ пребываетъ. Но безсловесныя животныя много смисленѣе насъ, ибо каждое изъ нихъ соединяется съ своей собственной породой; дикія съ дикими и овцы также съ своимъ родомъ. А ты не возвращаешься къ небесному своему родству, т. е. Господу, но помыслами своими соглашаешься и склоняешься на помыслы здобы“ (Бес. I, § 8). Если сотворенное нами тѣло станетъ для поддержанія своей жизни ограничиваться только тѣмъ, что въ немъ самомъ, ничего—ни пищи, ни питья, ни одежды—не принимая извнѣ, то оно погибнетъ. Такъ и душа, не имѣющая въ себѣ Божія свѣта, сотворенная же по образу Божію, не изъ собственного своего естества, но отъ Божества Его, отъ собственного свѣта Его восприметъ духовную пищу, и духовное питіе, и небесныя одѣянія, что и составляетъ истинную жизнь души (Бес. I, §§ 8. 10). А какovy блага Царства Божія! „Невозможно выразить или описать неизмѣримое, безпредѣльное и непостижимое богатство христіанъ“ (Бес. XXXIV, § 3). „Познай же свое благородство, а именно, что призванъ ты въ царское достоинство, что ты *родъ избранъ и языкъ святъ* (I Петр. II, 9). Тайна христіанства необычайна для міра сего. Видимая слава и богатство царя суть нѣчто земное, тлѣнное, переходящее; а то царство и то богатство божественны, небесны, славны, никогда не проходятъ и никогда не прекращаются“ (Бес. XXII, § 4). Такъ говорятъ въ душѣ ея влеченія къ небесной жизни. Но на ряду съ ними она слышитъ и иные голоса. Сатана начинаетъ на-

шептать человѣку отчаяніе: „смотри, сколько худого сдѣлалъ ты; смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обремененъ ты грѣхами, что не можешь уже снастись“. Сіе же дѣлаетъ, чтобы свергнуть тебя въ отчаяніе, потому что непріятно ему покаяніе твое. Отвѣчай ему и ты: „имѣю въ Писаніи Господнемъ свидѣтельства, *не смерти хочу грѣшника, но покаянія, чтобъ обратился онъ отъ пути лукаваго и былъ живъ*“ (Иезек. XXXIII, 11). Ибо для того снишелъ Онъ, чтобы спасти грѣшныхъ, воскресить мертвыхъ, просвѣтить находящихся во тьмѣ“ (Бес. XI, § 15. Ср. Бес. IV, § 25. 27; Бес. XXVII, § 22). Если въ душѣ желаніе новой жизни искреннее и сильное, то оно побѣдитъ всѣ прираженія плоти и восторжествуетъ. Съ этимъ восторжествованіемъ желанія оканчивается первый моментъ возрожденія. И въ этомъ пунктѣ опять преп. Макарій отличается отъ обычныхъ схоластическихъ возрѣній на начало духовной жизни въ человѣкѣ: общеніе съ Богомъ, по его ученію, не даются человѣку, какъ награда за какіе либо его подвиги, но постепенно стяжается самимъ человѣкомъ при Божіей помощи добровольно, составляя собою самое содержаніе христіанскихъ подвиговъ.

Вторая ступень возрожденія обусловливается необходимо возникающею борьбою между мірскими привязанностями и жизнью духовною; она характеризуется безповоротной рѣшимостію отречься отъ всего земного для Господа, отвратить душу отъ всякихъ привязанностей, кромѣ религіозныхъ. Эта рѣшимость должна быть твердою и сильною. Рѣшимость же слабая, которая существуетъ больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ и при первомъ же искушеніи отъ міра — ослабѣваетъ и падаетъ — сія не благоплодна. Тогда въ душѣ истинная рѣшимость, когда она совершенно мнитъ себя мертвой къ суетѣ мірской. „Что бы ей ни было нанесено, среди тысячи искушеній, все претерпѣвая, она должна говорить: „если и умру (подъ тяжестью искушеній), не оставлю Господа“ (Бес. XXVI, § 8). „Душа наша, приступая къ истинному Архіерею — Христу, должна быть отъ Него закланною и умереть для своего мудрованія и для худой жизни, какою жила, т. е. для грѣха (Бес. I, § 6). Тѣ, кто дѣйствительно рѣшились жить только по Богу, должны къ этой небесной любви „не примѣшивать никакой

другой любви и приверженности“ (Бес. V, § 7), всецѣло отречься отъ себя, возгнушаться всѣми мірскими пожеланіями, связями, развлеченіями, удовольствіями и занятіями, имѣя предъ очами единого Бога и вождельвая творить Его заповѣди“ (Тамъ же § 8). Между тѣмъ „многіе приходятъ въ умиленіе, многіе дѣлаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесною любовью, но, не выдержавъ встрѣтившихся на пути различныхъ бореній, подвиговъ, трудовъ и искущеній отъ лукаваго, поелику у каждаго есть желаніе любить что-либо въ мірѣ семъ, а не вполне отрѣшиться отъ любви своей, возвратившись къ разнообразнымъ и различнымъ мірскимъ пожеланіямъ, по слабости и недѣятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви къ чему-либо земному, остались въ мірѣ и погрязли въ глубинѣ его“ (Бес. V, § 7). Они „хотя намѣреваются получить царствіе и желаютъ наследовать вѣчную жизнь, однако же не отказываются жить по собственнымъ своимъ хотѣніямъ и слѣдовать смѣ хотѣніямъ“ (тамъ же, § 8), при небесной любви „любятъ еще что-нибудь, услаждаются какими-нибудь удовольствіями или пожеланіями въка сего“ (Бес. V, § 8). И замѣчательно: такіе люди, наполевицу отдающихъ себя Богу, большинство. Такой человекъ какъ будто и Богу служить и себя не забываетъ. Онъ даже готовъ подчасъ и защищать свое поведеніе. Но сіе — опасно для души: такой душѣ спасеніе не возможно (тамъ же, § 13). Опасность увеличивается еще тѣмъ, что это служеніе плоти бываетъ какъ-то непримѣтно, будто даже и благовидно. „Иногда хорошія, повидимому, начинапія приводятся въ исполненіе ради славы и людской похвалы; а сіе уже предъ Богомъ равно неправдѣ, татѣбѣ и другимъ грѣхамъ. И въ добрыхъ, повидимому, дѣлахъ лукавый видитъ себѣ услугу; онъ весьма разнообразенъ и обманчивъ въ мірскихъ пожеланіяхъ (*πολλοίμιλος γάρ ἐστι καὶ ἀπατηλὸς ἐν ἐπιθυμίαις ἁβήμων*). Для какой-нибудь земной и плотской любви, которою человекъ связываетъ себя по собственной волѣ, уловляетъ его грѣхъ, дѣлается для человека оковами, узами, тяжкимъ бременемъ, которое потопляетъ и подавляетъ его въ вѣкѣ лукавомъ, не давая ему собраться съ силами и возвратиться къ Богу. Напримѣръ, иной возлюбилъ имѣніе, а иной золото и серебро,

иной же многоученную мірскую мудрость для славы человѣческой, иной безвременныя сходбища, иной весь день проводить въ разсѣяніи и удовольствіяхъ, иной обольщается праздными помыслами, иной для человѣческой славы любитъ быть какъ-бы законоучителемъ, иной услаждается недѣятельностію и нерадѣніемъ, другой привязанъ къ одеждамъ, иной предается земнымъ попеченіямъ, иной любитъ сонъ, или шутки, или сквернословіе. Чѣмъ, словомъ, привязанъ кто къ міру, малымъ или великимъ, то и удерживаетъ его и не позволяетъ ему собраться съ силами. Съ какою страстію человѣкъ и борется мужественно, ту любитъ онъ и она обладаетъ имъ, и обременяетъ его, и дѣлается для него оковами и препятствіемъ уму его обратиться вполне къ Богу“ (Бес, V, § 9). Нужно еели уже любить Бога, то любить всей душой. Иначе—неминуемая потеря спасенія. „Представь себѣ, что плывутъ иные моремъ и застигнуты сильнымъ волненіемъ. Одинъ, раздѣвшись до-нага, бросается въ воду съ намѣреніемъ спасти только себя; и вотъ онъ, гонимый волнами, и ничѣмъ не связанный, кромѣ заботливости о душѣ своей, плавая поверхъ волнъ, нашелъ возможность выйти изъ моря; а другой, вознамѣрившись спасти нѣчто изъ одеждъ своихъ, подумалъ; что и съ ними, если возьметъ ихъ съ собою, можно плыть и выйти изъ моря; но взятыя имъ одежды обременили его и потонули въ глубинѣ морской; и вотъ, ради малой корысти не позаботившись о душѣ своей; погибъ онъ“ (тамъ же § 11).—Наша школьная наука, почти никогда не возвышаясь до такого рѣшительнаго взгляда на христіанскіе подвиги, и доселѣ продолжаетъ намѣчать рубрики о позволительности различныхъ удовольствій, утѣхъ мірскихъ и т. п., забывая, что истинный послѣдователь Христовъ и не взглянетъ на нихъ, ибо они съ Его точки зрѣнія не имѣютъ ровно никакой цѣны.

Когда въ душѣ окончательно укрѣпится твердая рѣшимость жить духовною жизнью, послѣ этого уже слѣдуетъ третья ступень возрожденія: человѣкъ, живущій по Богу, начинаетъ входить въ общеніе съ Нимъ. Лишь только душа твердо рѣшится жить по Богу, она должна уже тогда стремиться къ тому, чтобы сподобиться пріять въ себя благодать Св. Духа и чрезъ нее обновить свое естество. „Какъ тѣло безъ

души мертво и не можетъ ничего дѣлать, такъ безъ небесной души, безъ Духа Божія, и душа мертва для царства, а безъ Духа не можетъ дѣлать того, что Божіе“ (Бес. ХХХ, § 3). „Посему, кто старается увѣровать и придти къ Господу, тому надлежитъ молиться, чтобы здѣсь еще пріять ему Духа Божія, потому что Онъ есть жизнь души, и для того было пришествіе Господа, чтобы здѣсь еще дать душѣ жизнь—Духа Святаго (тамъ-же, § 6). Сія благодать Духа по непреддѣльной и непостижимой премудрости Божіей подается различнымъ людямъ различно: „иныхъ, какъ скоро приступаютъ съ вѣрою и молитвою, пока еще живутъ въ мірѣ, безъ ихъ трудовъ, потовъ и изнуреній предваряютъ дарованія и дары Св. Духа“ (Бес. ХХІХ, § 1), „а инымъ хотя удалились они изъ міра, отреклись по Евангелію, отъ вѣка сего, и съ великимъ терпеніемъ преуспѣваютъ въ молитвѣ, въ постѣ, въ рачительности и другихъ добродѣтеляхъ, Богъ не скоро даетъ благодать и сіе для испытанія свободной воли: ибо пребудутъ ли до конца въ несомнѣнной вѣрѣ или отвратятся отъ Бога“ (тамъ-же, § 2. Ср. §§ 3. 4. 5). Такъ испытывалъ Господь Іосифа (Бес. ІХ, § 2), Давида (—§ 3), Моисея (—§ 4), Авраама (—§ 5), Ноя (—§ 6) и дрр. Сія благодать Духа Св. пріобрѣтается жизнью по Христову Закону; эта жизнь есть борьба съ плотію; сораспятіе Господу и духовное общеніе съ Нимъ въ добродѣтельной жизни. На первыхъ порахъ, при сильныхъ искушеніяхъ, къ добрымъ дѣломъ надлежитъ себя понуждать. Надо „принуждать себя къ любви, если кто не имѣетъ любви, принуждать себя къ кротости, если не имѣетъ кротости; принуждать себя къ тому, чтобы милосерднымъ быть и имѣть милостивое сердце; принуждать себя къ тому, чтобы терпѣть пренебреженіе и, когда пренебрегаютъ,—быть великодушнымъ, когда унижаютъ или безчестятъ,—не приходите въ негодованіе, по сказанному: *не себѣ отмщающе возлюбленные* (Рим. XII, 19); надлежитъ принуждать себя къ молитвѣ, если кто не имѣетъ духовной молитвы“ (Бес. XIX, § 3). „И такимъ образомъ, что душа дѣлаетъ теперь съ принужденіемъ произволящаго сердца, то будетъ нѣкогда дѣлать произвольно, постоянно пріучая себя къ добру и памятуя всегда Господа и непрестанно ожидая Его съ великою любовію“ (—§ 2); въ послѣдствіи „Богъ,

видя, что человекъ столько подвизается и противъ воли сердца съ усиленіемъ обуздываетъ себя, исполнить его духовнаго плода“ (—§ 3). — Но на ряду съ понужденіемъ себя къ добру душѣ надлежитъ противиться и худому въ себѣ, проща—боротья съ діаволомъ, который не оставляетъ человека и здѣсь въ сей моментъ его возрожденія. Конечно, многимъ покажется страннымъ рѣчь о борьбѣ съ діаволомъ; теперь скорѣе навѣдываютъ различныхъ психологическихъ гипотезъ, чѣмъ признаютъ возможность сей борьбы. Но о такихъ людяхъ св. отецъ говоритъ: „если кто привязанъ къ видимымъ вещамъ въ мірѣ семъ, опутывается себя многоразличными узами и увлекается зловредными страстями, то не познаетъ онъ, что внутри у него есть иная борьба, и битва, и брань; онъ не познаетъ обмана сокровенныхъ духовъ злобы и тайныхъ зловредныхъ страстей, но останется чуждымъ себѣ самому (*ἀλλ' ἔστιν ἀλλότριος ἑαυτοῦ*), потому что не извѣстны ему язвы его, и, имѣя въ себѣ тайныя страсти, не сознаетъ ихъ“ (Бес. XXI, § 4). Хотя сіи враги и трудно побѣдимы, но „если душа стоитъ твердо и ни въ чемъ ни ослабѣваетъ, то начинаетъ одерживать надъ грѣхомъ побѣды и люди дѣлаются побѣдителями“ злыхъ духовъ (Бес. III, § 5). Какъ о средствѣ для наиболѣе успѣшнаго и легкаго боренія съ плотью, Препод. Макарій говоритъ о внѣшнихъ аскетическихъ подвигахъ. Впрочемъ на нихъ онъ отнюдь не переноситъ центра тяжести жизни этой ступени. Они—не больше какъ именно только средство. Цѣль нравственной жизни не въ нихъ. „Многіе, строго наблюдая за внѣшнимъ, предупреждаетъ Преп. Макарій, упражняясь въ наукахъ и заботясь о жизни правильной, думаютъ, что такой человекъ совершененъ, не вникая въ сердце, не примѣчая тамъ пороковъ, какіе обладаютъ душею“ (Бес. XV, § 46). „Можетъ-ли—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Преподобный—кто бы то ни было сказать: я пощусь, веду странническую жизнь, расточаю имѣніе свое, слѣдовательно, уже святъ? Ибо воздержаніе отъ худаго не есть еще самое совершенство“ (Бес. XVII, § 5). „Если видимо соблюдаешь тѣло свое отъ растлѣнія и блуда—въ другомъ мѣстѣ читаемъ у Препод. Макарія—внутренно же ты любодѣйствовалъ и творилъ блудъ въ помыслахъ своихъ, то прелюбодѣй ты предъ Богомъ, и не принесетъ тебѣ пользы

дѣйственное тѣло твое“ (Бес. XXVI, § 13). Конечная цѣль всѣхъ подвиговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ у души, твердо рѣшившейся жить только духовнымъ человѣкомъ, та, чтобы здѣсь еще пріять ей Духа Божія, потому что Онъ есть жизнь души и для того было пришествіе Господа, чтобы здѣсь еще дать душѣ жизнь—Духа Святаго“ (Бес. XXX, § 6). Если же христіанинъ, отказавшись отъ жизни плотскаго человѣка „не будетъ имѣть внутри себя радости духа и утѣшенія небесной благодати, то сталъ онъ солюю обуявшею, онъ жалокъ паче всѣхъ людей“ (Бес. XLIX, § 1).

Но вотъ, наконецъ, наступаетъ послѣдняя ступень нравственнаго возрожденія. Вся душа человѣка исполняется блаженства богообщенія. Христіане; сподобившіеся небеснаго огня, Духа Св., о мірѣ мыслятъ уже не иначе, какъ, что весь земной міръ и царскія сокровища, и богатство и слава; и словеса мудрости,—все это какая то мечта, что то не имѣющее твердаго основанія, но преходящее; и если есть, что подъ небомъ, то для нихъ достойно это всякаго пренебреженія. Почему же это? Потому что чудно и дивно то, что превыше небесъ, чего нѣтъ ни въ сокровищахъ царскихъ, ни въ словесахъ мудрости; ни въ славѣ мірской (Бес. XV, § 40, 41); къ этой красотѣ они привязуются. Они отдаются въ плѣнъ вождельнію и любви, всецѣло устремляясь ко Христу (Бес. V, § 6). Колебаній значить уже нѣтъ. Христосъ возлюбленъ, плотское мудрованіе отвергнуто. Не нужно думать, что лишь только обнаружится въ душѣ присутствіе благодати Духа Св., тотчасъ будто сія благодать объемлетъ всю душу, и человѣкъ дѣлается совершеннымъ. „Многіе вводимы были въ заблужденіе самымъ дѣйствіемъ въ нихъ благодати: они подумали, что достигли совершенства и сказали: „довольно съ насъ, не имѣемъ ни въ чемъ нужды“. Но Господь безконеченъ и непостижимъ, и у души много членовъ и глубина ея велика, и привзошедшій въ нее грѣхъ овладѣлъ всею ея паяштями и составами сердца (Бес. XXVI, § 17). Какъ серебряникъ и рѣзчикъ, производя рѣзбу на блюдѣ по частямъ, покрываетъ разныхъ животныхъ, какихъ на немъ вырѣзываетъ, а когда кончитъ работу, тогда показываетъ блюдо въ полномъ блескѣ; такъ и истинный Художникъ Господь украшаетъ рѣзбою сердца наши и обновляетъ таинственно“

(Бес. XVI, § 7). Разъ струя благодати проникла въ душу, она уже не можетъ насытиться ею. Она „хотя бы сподобилась достигнуть различныхъ духовныхъ дарованій или откровеній и небесныхъ тайнъ, по безмѣрной и ненасытимой любви своей къ Господу, сама въ себѣ находитъ, будто бы ничего еще не приобрѣла, а напротивъ того ежедневно алча и жажда, съ вѣрою и любовію пребывая въ молитвѣ, не можетъ насытиться благодатными тайнами и благоустроеніемъ себя во всякой добродѣтели“ (Бес. X, § 4). По мѣрѣ того, какъ такой человѣкъ, при помощи благодати Божіей, все болѣе и болѣе усовершеняется, онъ все болѣе и болѣе мнитъ себя грѣшникомъ. Его „благодать учитъ быть нищимъ по духу,—и хотя онъ праведникъ и Божій избранникъ,—не почитать себя за что либо, но признавать душу свою малоцѣнною и уничиженною, какъ будто ничего онъ не знаетъ и не имѣетъ, хотя и знаетъ и имѣетъ. И такая мысль дѣлается какъ бы прирощенною и укорененною въ умъ человѣческомъ“ (Бес. XII, §§ 3. 4). Такой человѣкъ мнитъ себя самымъ сквернымъ; напротивъ другихъ никого не осуждаетъ, на всѣхъ взираетъ съ простодушнымъ произволеніемъ, чистымъ окомъ, никѣмъ не гнушается и не дѣлаетъ различія между людьми (Бес. XV, § 8). Полученіе благодати отнюдь не убиваетъ самодѣятельности души на пользу своего спасенія. Имъ напротивъ, спасеніе только начинается. „Какъ плывущіе моремъ купцы, хотя найдутъ и попутный вѣтръ и тихое море, но пока не войдутъ въ пристань, находятся подъ страхомъ, что вдругъ возстанетъ противный вѣтръ, взволнуется море и корабль подвергнется опасности: такъ и христіане, хотя и ощущаютъ въ себѣ, что дышетъ благопріятный вѣтръ Св. Духа, однако находятся еще подъ страхомъ, чтобы не нашель и не подулъ вѣтръ сопротивной силы, и не воздвигъ въ душахъ ихъ какого мятежа и волненія. Посему потребна великая рачительность“ (Бес. XLIII, § 4). „Нѣтъ человѣка, на котораго врагъ пересталъ бы нападать. Сатана немилосердъ и человѣконенавистенъ, поэтому не лѣнится нападать на всякаго человѣка“ (Бес. XXXVIII, § 4). „Божіи человѣки должны приготавливать себя къ боренію и подвигу. Таковъ путь христіанства. Гдѣ Духъ Святой, тамъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ гоненіе и брань. Видишь, какъ пророки,

хоть въ нихъ дѣйствовалъ Духъ, всегда гонимы были единоплеменниками? Видишь, какъ Господь, Который есть путь и истина, гонимъ былъ не инымъ народомъ, но своими. А подобное сему было и съ Апостолами. Истинѣ необходимо быть гонимою (Бес. XV, § 11). Послѣ того, какъ христіанинъ ревностно и долго трудится во спасеніе, бываютъ случаи, что онъ сподобляется и высшаго духовнаго озаренія; Богъ пребываетъ съ нимъ; ему то хочется обнять весь міръ своею любовію (Бес. XVIII, § 8), то въ молитвенномъ восхищеніи—оставить тѣло и землю и переселиться на небо. Но совершенной мѣры нравственной красоты не бываетъ въ вѣкѣ семъ. „Донинѣ не знаю, пишетъ Преп. Макарій, ни одного человѣка христіанина совершеннаго или свободнаго (вполнѣ). Напротивъ того, если кто упокоевается въ благодати, доходитъ до тайнъ и до откровеній, до ощущенія великой благодатной сладости; то и грѣхъ пребываетъ еще внутри его! Я до нынѣ—повторяю—не видалъ ни одного свободнаго человѣка, и, поелику въ иныя времена самъ отчасти, говоритъ св. отецъ, доходилъ до оной мѣры, то довѣдался и знаю, почему нѣтъ совершеннаго человѣка (Бес. VIII, § 5). Наивысшее совершенство христіанина характеризуется Преподобнымъ такъ: „когда душа прильпляетъ ко Господу, и Господь милуя и любя ее, приходитъ и прильпляется къ ней, и разумнѣе ея непрестанно уже пребываетъ въ благодати Господней, тогда душа и Господь дѣлаются единый духъ, единое сраствореніе, единый умъ. Тѣло души остается поверженнымъ на землѣ, а умъ ея всецѣло жительствуетъ въ небесномъ Иерусалимѣ, восходя до третьяго неба, прильпляясь ко Господу и тамъ служа Ему“ (Бес. XLVI, § 3). Это—рай на землѣ, будущая жизнь въ настоящей. Достояна и здѣсь вниманія особенность ученія Преп. Макарія. По его ученію, оправданіе человѣкомъ усваивается не въ видѣ награды за исполненіе имъ заповѣдей Божіихъ, но приобретается имъ постольку, поскольку онъ самъ начинаетъ жить Христовой жизнью.

Сдѣлаемъ теперь краткое заключеніе и выводъ изъ всего сказаннаго. Все ученіе Преп. Макарія о возрожденіи проникнуто одною мыслью, однимъ началомъ: человѣку нужно искрепно и сознательно полюбить Христа, Его жизнь—и

стремиться къ ея достиженію. Благодать будетъ споспѣшествовать — и человекъ возраждается. Весь сокровенный ходъ возрожденія Преподобный описываетъ всегда непремѣнно какъ жизнь внутреннюю, происходящую въ душѣ человека, въ его расположеніяхъ, мысляхъ и намѣреніяхъ. Нигдѣ у него не прозвучалъ мотивъ формальный или юридическій: нѣтъ рѣчи ни о внѣшне-формальной истинности христіанской религіи, какъ главнѣйшемъ побужденіи къ ея усвоенію, нѣтъ ни страха наказанія, но — страхъ потерн небесной жизни, нѣтъ рѣчи о проклятій, ни объ удодетвореніи, какъ отпущеніи за непослушаніе праотца. *Возрожденіе есть всегда актъ внутренній, хотя виновникомъ его является не столько сама человеческая воля, сколько Бога.* — Вотъ этою то существенной чертой и отличаются всѣ нравственно-аскетическія свято-отеческія творенія отъ нашихъ ученыхъ и учебныхъ схоластическихъ курсовъ. Въ догматичѣхъ только половина истины. Въ нихъ все объясняется, главнѣе всего и прежде всего, внѣшнимъ юридически-формальнымъ образомъ; а св. отцы вкладываютъ сюда нравственно-психологическій опытъ, внутреннюю жизнь. И посему святоотеческая сокровищница христіанскаго жизненнаго опыта — богатый источникъ для Нравственнаго Богословія. Задача Нравственнаго Богословія, какъ науки, по отношенію къ этому матеріалу состоитъ прежде всего, въ его тщательномъ изученіи и приведеніи въ систему; хотя этотъ матеріалъ богатый, но онъ не систематиченъ. Напр., всѣ глубокія мысли Преп. Макарія разсѣяны по всѣмъ его бесѣдамъ и посланіямъ, высказаны по частнымъ поводамъ и случаямъ. И лишь однопринципность воззрѣній Преподобнаго дала возможность собрать эти крупицы его ученія и привести ихъ въ систему. Далѣе, задача науки — состоитъ въ томъ, чтобы сей матеріалъ сблизить съ философіей и психологіей, перевести святоотеческія термины на языкъ этихъ наукъ. Святоотеческій матеріалъ — цѣлый непочатый рудникъ, надъ которымъ много нужно работать наукѣ.

Гермонахъ Григорій.